

1.07.96

Человек Владимир

АВТОПОРТРЕТ

КУРАНТЫ

Куранты. — 1996. —
июль. — с. 6

ТЕОРЕТИК “СВЕЖЕГО ЛИСТА”,

Среди фильмов, в которых снимался Владимир ИЛЬИН, — “Макаров”, “Рой”, “Патриотическая комедия”, “Прибытие поезда”, “Стрелец неприкаянный”, “Менялы”, “Ехай!”, “Защитник Седов”, “Жизнь и приключения солдата Ивана Чонкина”, “Черная вуаль”, “Ревизор”... Причем список этот далеко не полон. В наше некиношное время он, пожалуй, самый снимающийся актер. Режиссеры его любят: обаятельный, органичный, работа ему, как сам выражается, в кайф. А каждая новая роль — что чернила, которыми на свежем листе пишется что-то новое.

— Володя, считается, что никому не дано переиграть детей и собак. Но вы в ролях так органичны, что кажетесь исключением из правила.

— Их все равно не переиграть, насколько бы органичным ни был. На многое из того, что сам делаю, смотрю и морщусь: тут “пере”, тут “недо”. А вы меня, роднулька, хвалите!

— Ваши актерские “университеты”?

— Папка же артист был, работал в Свердловском драмтеатре: Адольф Ильин. Я с ним по гастролям ездил, а когда в актерской среде находился, наверное, впитываешь все это. Адольф одно время преподавал в театральном училище, а там среди студентов был тогда Толя Солоницын, они дружили. Я с улицы прибежал и слушал их разговоры, так и затынуло. Они вместе тогда сценарий писали, и батяня все мне: “Ты учишься, учишься, чтоб самому писать”. Учился я плохо — в окно все время смотрел: тянуло в футбол, требовала “физика” мышечных удовольствий. Потом, правда, растолстел, были вены на левой ноге, вырезал их только год назад, а так дома основная поза была горизонтальная.

Но в Свердловское в театральное училище все же поступил. И даже был у меня небольшой эпизод в фильме “Женя, Женечка и “катюша””: сообщал в начале, что немецкий десант прилетел. Учился у Василия Шура — был такой актер в театре драмы, потом моим любимым педагогом и другом старшим стал Феликс Григорьевич Григорьян. А по жизни педагог — мой отец, конечно. Хоть от театрального и отговаривал: “Володя, что тебе там делать, куда ты идешь?”

Да так вышло, что артистами стали и я, и младшенький мой брат Сашка, которого мы всегда Толстым звали, потому что он еще грузнее меня, и его дети. У Толстого — трое сыновей, он весь план за меня выполнил, так что и не расстраиваюсь, что у самого нет. Сам он работает в Театре имени Маяковского, его старший, Илья, — в Молодежном, бывшем Центральном детском, средний, Алеша, учится в какой-то театральной школе. А младшенький, Сашка, смотрит пока, молчит — у него характер крутой такой. Лепит что-то потихоньку, рисует. Татьяна, жена Толстого, тоже актрисой была, но, когда в Москву переехали, рожать начала и теперь занимается домом.

— Как после Свердловска ваша судьба сложилась?

— Влюбился в театр Геннадия Юденича “Скоморох” и поехал туда. Работали в Гомеле, Минске, потом все расформировалось. Решили показаться в Театре на Таганке, и там я первый раз увидел свою будущую жену — Зюсю Полянову, которая Ангела играла в “Макинпоте”. А позже, когда отдыхал в Свердловске, Зоя приехала туда с театральной группой, и так вот все у нас началось, сбегались — что-то такое бывает сразу. Поехал к ней в Москву, там помог режиссер Юра Веригин, которого мой отец очень любил и как с другом своим познакомил. Значную Москву через Юру познавал — заведения всяческие: где чего наливают, где вкуснее, где попроще, где потяжелее.

— И где вкуснее?

— Вкуснее всегда на природе — с сырком, под забором на скамеечке. Так вот, Юра привел меня к Андрею Александровичу Гончарову, у которого сам заканчивал режиссерский. Но сначала в Театре имени Маяковского у меня случилась пауза большая. Роль-то была шикарная в пьесе Радзинского “Беседа с Соократом”:

там такой сумасшедший бегает человек, поэт, Милет, по-моему, называется. Начал репетировать, а спектакль закрыли. И я полтора года просидел по значным местам. Потом Гончаров меня вспомнил и взял на Тишку в “Свои люди — сочтемся”. И роль мне была интересной, а уж какие люди в спектакле — ходил с открытым ртом. Женечка Лазарев, Анатолий Ромашин, Саша Лазарев, Наталичка Гундарева,

лодя Хотиненко позвал меня в кино. Я глотнул свободы, отдал долги... Если рассуждать умно, то работать в театре надо, потому что это дает постоянный тренинг. А если хитро, то наработанный профессионализм в кино себя выдает, теряешь новизну.

В перерывах есть своя прелесть: входишь вроде как свежий лист. Хотя, может, это придумал в оправдание своей лени.

— Последние полгода вы не работали. Как сохраняли форму?

— Учился водить машину. Встречал с вокзалов близких, знакомых, перевозил кому-то телевизор, кому-то помогал. Сам звонил, говорил: “Чего-нибудь надо перевезти?” Ну, чтоб набрать “рука-нога — автомат”.

БЛАЖЕННЫЙ ПОЖАРНЫЙ

“Ниву” купил — за грибами ездить. Приобрел у знакомых ребят-каскадеров.

— С каскадерами дружны?

— Сам давным-давно хотел стать каскадером. В глубоком детстве даже спортом занимался. И вообще относился к этим ребятам как к уникальным: геройская такая профессия.

— Чаше всего вы снимаетесь у двух режиссеров — Владимира Хотиненко и Георгия Шенгелия. Почему?

зу хорошую — само выскакивает. Ну и сам вместе с ними что-то сочиняешь: хочется же свой “кусочек” как-то одеть, обути, подать неординарно.

— Был в биографии персонаж, особенно на вас похожий?

— Да обычно сам их к себе приближаешь. Больше всего, наверное, ко мне ближе Артюша, дурачок деревенский в “Рое”, очень обаятельно написанный. Он бывший пожарный и всей деревне печки на замок позакрывал: какую-то пожарную ситуацию увидел. Ему по башкам надавали, и он после этого каждую осень в армию собирается. Такой необычный, нсординарный, странный человек с долей юродства, присущего Руси. Я, между нами, внутренне молось блаженным, юродивым. А вообще кем только в кино не был: жуликом, пастухом, босяком... Адвоката играл у Женечки Цимбалы в “Защитнике Седове” — это тоже мои “университеты”. Дарит мне проведение моменты встречи с подвижниками.

— Только что вы снялись в “Ревизоре” у Сергея Газарова, где собран “цветник” из звезд. Как там себя чувствовали?

— Снимали фильм в Чехии, а так получилось, что я там чуть не четвертый год подряд работаю: “Королеву Марго” там снимали, “Чонкина”, еще что-то. И когда Сережа Газаров сделал предложение, после которого бегут с распростертыми объятиями, я внутри затаился. К роли — а я там почтмейстер — потихонечку подкра-

приглашают, надо делать сразу и не высчитывать ничего. Тут еще все было связано с тем, что нам надо размениваться с соседями.

— По слухам, отдельная квартира у вас была, а вы ее поменяли на коммуналку?

— Удобнее было. Мне дали квартиру от театра, а я все равно жил у Зои в комнате — иначе далеко ездить было. И обменялся сюда, на комнату. Теперь у нас “зойкина квартира” — соседка тоже Зоя. Варианты разезда есть, и можно было бы нам думать там остаться, да дом трещиной пошел — под ним метро, вибрация.

— Говорят, когда у вас случается большой заработок, пересылаете его в детские дома?

— Это совсем легенда. Просто какой-то приз получил, дали тысячу баксов, и я их в церковь отдал. И Зоя моя сейчас в церкви — поет, регентует. “Таганку” она бросила, когда Любимов уехал. Занималась мультиками, радио, “Питера Пэна” записала большую пластинку с Вениамином Снежком — бригада у них целая была. Песни к сказкам писали короткие. Фунтика видели в мультике? Так вот Фунтик — это мой “заяц”.

— А почему после этого — церковь?

— После этого — астрология, Елена Ивановна Рерих, Блаватская, у меня Кастанеда пошел. И потом я понял, что перемечтали мы уже за учителями в Японию или куда-то в горы ехать. А вот учителя наши — дом, храм, где живет Господь, — мо-

С бабочкой он чувствует себя неловко, а внутренне молится блаженным.

которая мне постоянно займы давала и вообще меня держала в руках. Я только ее и слушался: дома — Зою, на работе — Наташу. А так я трудноуправляемый. Роли разные были. Очень не любил “туалетного” Агента 00, любил “Третью ракету”, да много чего. Знаете, любя театр, я люблю тех, кто там работает.

— А как с крутым нравом Гончарова?

— Я к Андрею Александровичу отношусь с поклоном и огромным уважением не только потому, что он меня взял с улицы, а как к моему профессору. А уж другое дело, как терпеть нрав. Ну объясняет он что-то, показывает на повышенных тонах, кричать любит и вообще актеров “держит”. Но если нас не держать...

— Почему расстались с театром?
— В восемьдесят девятом году Во-

испытываешь чувство внутреннего ликования и сам себя останавливаешь: ты не переликуй, ты работой давай! О роботы не думай: они делают, а ты рядом, сбоку, ржешь над ними. Специально приходишь, смотришь и получаешь удовольствие.

— Неужели работа вам всегда в радость?

— Бывает и с нервами, когда что-то не сходится, бывают ругань, срывы. Но после Гончарова ничего уже не страшно. А вообще съемки — это же бесплатное кино! Поэтому я сейчас не особо рвусь в театр, отстоюся — посмотрим. Проекты многие были. Очень любимой мною Армен Борисович Джигарханян — мне повезло, сидел с ним в одной гримерке — предлагал поработать в его театре с ним и Наталичкой Гундаревой. Но по времени не сошлось. Хоть когда

лись, беседуй. Как-то быстро это получилось. Прихожанами начинали в “Ивана Воина”, там и Зоин духовник остался, отец Арсений, — у них тоже династия семейная. Потом попали в Троице-Голенишево к отцу Сергию, у которого тоже четыреста лет семейной династии. Уникальный человек — с улыбкой над собой. Умеет шутить шикарно: “Мы, священнослужители, похожи на придорожные столбы — дорогу показываем, а сами не идем”. А сейчас около дома на Октябрьском поле открылась церковь, где отец Алексей настоятель.

— Это все — для души?

— Конечно. Заработок у Зои небольшой. Хотя, когда у меня перерыв, спокойно живем на эти маленькие деньги.

— Актер — профессия, как сказать, греховная. Как сочетаете ее с верой?

— Душа рвется. Я на сегодняшний день одно только понимаю, башку себе этим переломав. Рабочие, которые на заводе танки делают, не угрызаются, что эти танки потом воювать идут! Так случилось в жизни, что это их работа, они кормят семью свою. Просто все: работаешь и работаешь, это твоя профессия. Но стараюсь, например, не играть конкретных личностей — чтобы хотя бы на “тонком” уровне не трогать сущность того человека. И так в этом мире живем, как в чистилище, люди-то все — мужчины. Ну и, потом, Господь зовет к себе не праведников, а грешников. А уж поскольку я грешен в этой профессии, к нему и приду каяться. В церкви хорошо, там отдыхаешь душой. А потом — опять в свою “солянку”, “маслиной” работать.

— Новая ваша работа — в сериале “Дворцовые тайны” у Светланы Дружининой?

— Да, я там вице-канцлер Остерман. Дружинина за отчество взяла, говорит, оно — прямо на немца. Хотя, почему отца Адольфом назвали, не знаю. Родня его жила под Михайловским, в Опочке, куда Пушкин пешком ходил. Деда моего Алексеем звали, а вот отец — Адольф. Зато теперь я — Остерман. Работать интересно, образовываешься в этой эпохе, книжки почитываешь всякие.

— А с отдыхом как? Слышала, на фестивале в Сочи умудрились даже на вертолете полетать?

— Ребята пригласили, вертолетчики местные. Полетели в горы, опустились среди снега, там поляны с синими тюльпанами, озеро прозрачнейшее. У ребят день рождения был, посидели. А вообще на “Кинотавре” я кино смотрю, а не только все с друзьями праздники. Здесь хорошо — дышишь морем, которое я в кои веки вижу. Вот только Янковский все время допекает: “Где твоя “бабочка”? Ну нету у меня “бабочки”, — я с ней себя неловко чувствую!

Беседу вел
Татьяна ИСКАНЦЕВА.
Фото Николая ГНИСЮКА.